

*Колесников Г.С.,
студент,
4 курс, направление «Юриспруденция»
Оренбургский институт (филиал)
ФГАОУ ВО "Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)"
Россия, г. Оренбург
Научный руководитель: Хмелевская Т.А.,
к.ю.н. доцент*

КВАЛИФИКАЦИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ДО ПРЕСТУПЛЕНИЙ

***Аннотация:** Статья анализирует правовую квалификацию кибербуллинга в России, подчеркивая важность адекватного подхода к этому явлению в условиях цифровизации общества. Рассматривается эволюция подходов к кибербуллингу, начиная с его расценивания как административных правонарушений и переходя к более строгим мерам, включая уголовные преступления. Особое внимание уделено критериям разграничения различных форм кибербуллинга. В статье также обсуждаются проблемы правоприменения в цифровой среде.*

***Ключевые слова:** Кибербуллинг, интернет-травля, цифровая эпоха, правовая квалификация, административные правонарушения, уголовные преступления.*

***Annotation:** The article analyzes the legal qualification of cyberbullying in Russia, emphasizing the importance of an adequate approach to this phenomenon in the context of digitalization of society. It examines the evolution of approaches to cyberbullying, starting from its classification as administrative offenses and*

moving to more stringent measures, including criminal offenses. Special attention is given to the criteria for distinguishing between different forms of cyberbullying. The article also discusses the challenges of law enforcement in the digital environment.

Key words: *Cyberbullying, online harassment, digital era, legal qualification, administrative offenses, and criminal crimes.*

Прогресс в сфере информационных технологий обладает двойственным эффектом. Его позитивная сторона проявляется в упрощении коммуникаций и социальных взаимодействий, тогда как негативная связана с возникновением новых форм угроз, к которым относится травля с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (кибербуллинг).

Понятийный аппарат кибербуллинга окончательно не сформирован, однако государственные органы предпринимают шаги для исправления данной ситуации. Так, определение данного понятия дается в письме Министерства науки и высшего образования России от 14 мая 2018 г. № 08-1184 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями о размещении на информационных стендах, официальных интернет-сайтах и других информационных ресурсах общеобразовательных организаций и органов, осуществляющих управление в сфере образования, информации о безопасном поведении и использовании сети «Интернет»). Под кибербуллингом понимается преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов [1].

Кибербуллинг проявляется в различных формах. Среди них - рассылка унижительных и угрожающих сообщений; распространение компрометирующих фотографий и обидных постов, направленных на унижение; создание поддельных профилей; взлом аккаунтов в социальных

сетях для психологического давления; социальное онлайн-преследование; а также высмеивание и искажение личных качеств человека. При этом основной и наиболее уязвимой категорией жертв данного противоправного деяния выступают несовершеннолетние, что связано с их высокой активностью в социальных сетях [2].

Кибербуллинг представляет собой систему враждебных действий, для которой характерны три основных признака [3]: во-первых, это систематичность - агрессия носит не случайный, а регулярный и целенаправленный характер; во-вторых, публичность - действия разворачиваются в открытом цифровом пространстве, доступном широкой аудитории (к ним относятся оскорбительные публикации на сайтах, в социальных сетях, мессенджерах или массовые рассылки); в-третьих, использование унижительной лексики - высказывания приобретают форму неприличной брани и служат инструментом для целенаправленного унижения и запугивания жертвы.

Ключевой особенностью кибербуллинга является анонимность, которая, однако, носит дискуссионный характер: несмотря на теоретическую возможность идентификации автора через IP-адрес, использование средств сетевой маскировки (VPN, прокси-серверы) и сложность правовых процедур деанонимизации зачастую делают агрессора фактически недостижимым. Подобная мнимая анонимность затрудняет идентификацию субъекта, формируя у него чувство безнаказанности и провоцируя его активность. Бесконтрольное распространение порочащей информации создает у жертвы сильнейший накопительный эффект, подавляет развитие личности, снижает мотивацию к самореализации, а в наиболее тяжелых случаях может привести к суицидальному поведению [4].

Кибербуллинг не рассматривается законодателем как самостоятельный состав административного правонарушения или преступления.

Действующие составы административных правонарушений, охраняющие пересекающиеся правоотношения в данной сфере, не в полной мере отражают специфику кибербуллинга.

В части 3 статьи 20.1 «Мелкое хулиганство» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) [5] рассматривается как распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации. Данный состав указывает на публичное распространение в сети информации, выраженной в неприличной форме, демонстрирующей явное неуважение к обществу и государству, но не учитывает аспект унижения конкретного гражданина.

В свою очередь, статья 5.61. КоАП РФ предусматривает ответственность за оскорбление - унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. Однако в части 1 статьи 5.61 КоАП РФ не учитываются такие социально негативные аспекты кибербуллинга, как агрессия и запугивание, указанные выше в дефиниции Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Что касается уголовной ответственности, то действующий Уголовный кодекс Российской Федерации [6] (далее - УК РФ) также не содержит состава такого преступления как кибербуллинг. Однако уголовное законодательство России включает в себя ряд составов преступлений, которые могут применяться к некоторым общественно опасным формам преследования личности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

(включая сеть «Интернет»). К данным деяниям можно отнести: статьи 110, 119, 128.1, 133, 137, 138, 148 УК РФ, ч. 2 ст. 282, статьи 298.1, 319 УК РФ [7].

В настоящее время наиболее распространенной практикой привлечения лица к уголовной ответственности за кибербуллинг является его квалификация по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ «Клевета». Такое правоприменение относится к распространению заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, содержащихся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Кибербуллинг, выразившийся в склонении жертвы посредством интернет-травли к совершению самоубийства или в доведении до самоубийства, однозначно подлежит наказанию по статьям 110-110.1 УК РФ. Травля, совмещенная с угрозами потерпевшему убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, преследуется по статье 119 УК РФ, однако, не всегда удается доказать наличие состава преступления в каждом конкретном случае онлайн - агрессии. Угрозы в сети часто носят расплывчатый характер, что затрудняет применение санкций и позволяет агрессорам избегать ответственности.

В целях унификации законодательства, совершенствования юридической техники и обеспечения системности уголовного закона, представляется необходимой криминализация деструктивного поведения в цифровой среде через введение специальной нормы — ст. 128.2 УК РФ. Вместе с тем, при конструировании диспозиции данной статьи возникает важная доктринальная проблема: объективно человека дискредитируют не сами сведения о его поведении, а совершенные им ранее аморальные или противоправные поступки. В этой связи уголовно-правовому запрету должно

подлежать не само предание огласке достоверных фактов, а их тенденциозное использование как инструмента целенаправленной психологической травли.

С учетом изложенного, предлагается авторская редакция ст. 128.2 УК РФ: «Распространение достоверных сведений о частной жизни лица либо обстоятельствах совершенного им проступка, порочащего его честь и достоинство, осуществленное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», с целью причинения потерпевшему моральных страданий или разрушения его социальных связей, наказывается...»

Особую актуальность криминализация унижения личности в сети «Интернет» приобретает в контексте его способности выступать детерминантой совершения иных, в том числе особо тяжких преступлений. В современных условиях цифровой травли «позорящие» сведения, независимо от их достоверности, становятся эффективным инструментом деструктивного воздействия и манипулирования поведением личности.

Во-первых, необходимо выделить использование методов кибербуллинга как средства понуждения к совершению преступлений экстремистской и террористической направленности. В следственной практике участились случаи, когда путем шантажа или угрозы предания огласке достоверных, но порочащих фактов (так называемого «доксинга»), лица (зачастую несовершеннолетние) вовлекаются в совершение диверсий, например, поджогов объектов энергетической инфраструктуры или путей сообщения. В таких ситуациях унижение чести и достоинства в цифровой среде трансформируется в способ принуждения к экстремистской деятельности, где страх перед общественным порицанием становится сильнее страха перед уголовным наказанием за тяжкое преступление.

Во-вторых, критическое значение имеет распространение материалов, посягающих на половую неприкосновенность и тайну частной жизни

(распространение компрометирующего сексуализированного контента). Как показывает криминологический анализ, подобные деяния обладают пролонгированным негативным эффектом. Жертвы таких атак подвергаются глубокой виктимизации, что в долгосрочной перспективе приводит либо к совершению ими актов самоповреждения, либо к формированию устойчивого девиантного поведения и совершению ответных насильственных преступлений [8].

Криминализация набирающего обороты в цифровой среде общественно опасного деяния представляется своевременной и актуальной в контексте трансформации общества. При этом законодателю следует учесть не только специфику сетевого преследования, но и феномен травли в публичной сфере, чётко определив все необходимые квалифицирующие признаки, усиливающие ответственность за кибербуллинг, совершенный в отношении несовершеннолетних, лиц, находящихся в беспомощном состоянии, или повлекший тяжкие последствия.

Грань между административным проступком и преступлением в сфере действий, которые можно отнести к кибербуллингу, в российском законодательстве определяется, прежде всего, по характеру самого деяния и его правовым последствиям. Административная ответственность, как правило, наступает за действия, нарушающие общественный порядок и нравственность, но не достигающие той степени общественной опасности, которая свойственна преступлениям. Ключевыми критериями для перехода являются смена объекта защиты с общественной нравственности на конкретные права личности (жизнь, здоровье, репутация), наличие прямого умысла и цели причинения тяжкого вреда, а также наступление или реальная возможность наступления особо опасных последствий.

Ввиду многообразия форм кибербуллинга, которые посягают на разные объекты и имеют неодинаковые последствия, разработка единой правовой нормы представляется сложной задачей. Важно ещё раз подчеркнуть, что

последствия кибербуллинга для жертв могут быть крайне негативными, включая депрессию, тревожность, социальную изоляцию, посттравматическое стрессовое расстройство и суицидальные мысли [9].

Именно поэтому комплекс мер, включая введение наказаний, превентивных ограничительных мер и системную профилактическую работу, необходим для эффективного противодействия этой социальной проблеме и создания безопасной цифровой среды для всех пользователей.

При этом ключевым принципом законодательного регулирования должен оставаться баланс между защитой жертв и охраной свободы выражения мнения. Во избежание избыточной криминализации законодательные формулировки должны быть максимально четкими, а квалификация деяний - учитывать контекст, намерения, неукоснительно соблюдать презумпцию невиновности и права обвиняемых. Развитие альтернативных способов разрешения конфликтов, постоянный мониторинг эффективности мер, и открытый общественный диалог являются важными условиями для достижения этого баланса.

Использованные источники:

1. Письмо Минобрнауки России от 14.05.2018 № 08-1184 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями о размещении на информационных стендах, официальных интернетсайтах и других информационных ресурсах общеобразовательных организаций и органов, осуществляющих управление в сфере образования, информации о безопасном поведении и использовании сети «Интернет»)). [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298618/3eb4a85b8194fb9278d4f2d273737b26bbdfbdc6/ (дата обращения: 01.02.2026).

2. Станислав Петрович Стащенко, Александр Владимирович Токолов. Анализ кибербуллинга в России: пути привлечения к ответственности //

Вестник экономической безопасности. 2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kiberbullinga-v-rossii-puti-privlecheniya-k-otvetstvennosti> (дата обращения: 01.02.2026).

3. Кузнецов Дмитрий Сергеевич. Уголовно-правовая ответственность за травлю в интернете (кибербуллинг, троллинг) // Юридическая наука. 2024. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-otvetstvennost-za-travlyu-v-internete-kiberbulling-trolling> (дата обращения: 02.02.2026).

4. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. К вопросу о кибербуллинге и защите прав на честь, достоинство и деловую репутацию: пути и способы решения // Закон и право. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kiberbullinge-i-zaschite-prav-na-chest-dostoinstvo-i-delovuyu-reputatsiyu-puti-i-sposoby-resheniya> (дата обращения: 02.02.2026).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря (№256).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

7. Александрова Э. Д. Криминализация общественно опасных форм преследования личности, совершаемых посредством угроз с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Виктимология. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalizatsiya-obschestvenno-opasnyh-form-presledovaniya-lichnosti-sovershaemyh-posredstvom-ugroz-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-setey> (дата обращения: 01.02.2026).

8. Чич Юлия Азметовна. Уголовно-правовая характеристика кибербуллинга - травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Теория и практика общественного развития. 2023. №5 (181). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-harakteristika-kiberbullinga-travli-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-setey> (дата обращения: 31.01.2026).

9. Колодезникова М. В., Николаев Е. В. Кибербуллинг и его психологические последствия // The Scientific Heritage. 2020. №56-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-i-ego-psihologicheskie-posledstviya> (дата обращения: 01.02.2026).